

■ На основании анализа распределений поля сейсмичности всей ОСЗ в периоды сильных землетрясений получены аналитические зависимости для длительности действия афтершоков.

■ Энергетический подход на основе модифицированной методики Бенюфа моделирования сейсмотектонических процессов позволил установить наиболее вероятные периоды возникновения сильных землетрясений. Перед началом периода повышенной сейсмической активности средняя видимая скорость диссипации энергии для ОСЗ уменьшается до $v_d < 10^{12}$ Дж/год. Длительность периода повышенной сейсмической опасности ($v_d < 10^{12}$ Дж/год) равна или превышает длительность периода повышенной сейсмической активности ($v_d > 10^{12}$ Дж/год). Сейсмический процесс Олекмо – Становой сейсмической зоны развивается под действием региональных напряжений плейттектонической природы, а видимая скорость диссипации энергии v_d в отдельных частях ОСЗ определяется упруго пластическими свойствами горных пород.

■ Распределение количества землетрясений по часам в течение суток не равномерно и имеет характерные участки, отличающиеся для центральной и западной частей ОСЗ. Пространственное распределение эпицентров землетрясений в характерных точках суточной активности показывает наличие упорядоченных структур, укладываемых в систему активных разломов.

■ Сопоставлены структурные элементы систем разломов с пространственным полем сейсмичности. На основании данного исследования установлено их геометрическое подобие, как на региональном уровне для всей ОСЗ, так и на локальном уровне по полю афтершоков сильных землетрясений.

■ На основании результатов модельных построений, детальных геофизических работ в зонах активных разломов, мониторинговых наблюдений разработана комплексная геофизическая модель сейсмического процесса ОСЗ, предложена методика анализа сейсмического процесса, установлена неоднократная тектоническая активизация активных тектонических

структур, современная активность которых подтверждается мониторинговыми геофизическими наблюдениями, причем разломы различной кинематики активизируются как единая геодинамическая система. По комплексному анализу показана возможность получения состоятельной оценки сейсмической опасности и построения дифференцированных зон возможных очагов землетрясений.

Выявленные закономерности сейсмического процесса ОСЗ подтверждены результатами моделирования сейсмического режима Байкальской рифтовой зоны, сейсмического пояса Черского, отдельных областей Тихоокеанской островной дуги. Для всех сильных землетрясений определена длительность афтершоковых последовательностей, укладываемая в единое феноменологическое уравнение; для узлов скрещивающихся активных разломов установлена последовательная активизация в течение суток (в статистическом смысле), для сдвиговых деформаций выявлены ромбические структуры, характерные для присдвиговых бассейнов (pull-apart basin); для всех исследуемых зон выделен 22-летний период миграции сейсмичности с максимумом широты в 1983 г., определено пороговое значение энергии землетрясений, меняющее структуру потока сейсмических событий, величина которого находится в пределах $10^{12.5} - 10^{13}$ Дж; наличие динамических брешей затишья выявлено для всех землетрясений с энергией более 10^{13} Дж, при этом размеры области затишья не зависят от энергии землетрясений и определяют динамическую систему, объединенную общим деформационным процессом плейттектонической природы.

■ На основе результатов анализа пространственного распределения геофизических полей и сейсмических процессов, моделирования результатов геофизического мониторинга геологической среды разработана геодинамическая модель сейсмического процесса в блоковой структуре литосферы. В рамках построенной модели возможна интерпретация основных результатов геофизических исследований.

Филологические науки

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ

Клемёнова Е.Н., Кудряшов И.А.

ФГАОУ ВПО «Южный федеральный
университет», Ростов-на-Дону,
e-mail: klemenova@yandex.ru, igalk@mail.ru

Проведено описание когнитивных оснований герменевтического анализа текста как формы художественной коммуникации, в рамках которой автор и читатель обращаются не только к пресуппозиционному знанию языка, норм и правил его функционирования, но и к лич-

ностному опыту, коммуникативным стратегиям и процедурам творческого освоения опыта и репрезентации знаний. Рассмотрены различные типы знаний, которые хранятся в памяти в виде единиц репрезентации знаний о некоторых стереотипных ситуациях, входящих в систему общих знаний о мире и фрагменте объективной действительности. Утверждается, что модель представления знаний манифестирует психологическую (когнитивную) модель памяти субъекта художественной речи. В ее основе лежит положение о восприятии реальности через постоянное сопоставление имеющихся в памяти

фреймов, каждый из которых обладает связями с некоторым концептуальным объектом, информацией, получаемой из мира действительности.

В современных исследованиях по теории текста одно из главенствующих положений, как известно, занимает герменевтика – наука о предпосылках и особенностях синтезирующего понимания. Понятие «понимание» (интерпретация) является одним из ключевых, конституирующих в характеристике художественного текста, потенциально моделирующего ситуации и события, которые «превосходят» границы наших субъективных знаний о реальной действительности. Утверждается, что текст воспроизводит действительность в знакомом ракурсе, но одновременно «ввергает» читателя в виртуальные миры, в основе которых заложены принципы, имеющие не так уж много точек соприкосновения с окружающим миром. Моделируемые текстовые миры потенциально соответствуют реальному миру, хотя сталкивают читателя с нелогичными в физическом смысле сценариями.

Текст, средства связности и теория чтения текста

Понятие «текст» характеризуется тем, что «оно проявляет себя лишь во взаимосвязи с интерпретацией и исходит из нее – как подлинно данное, подлежащее пониманию», – писал Гадамер, определяя сущность герменевтического подхода к пониманию связного, которое есть единственное, от чего зависит все [3]. В этой связи закономерно возникает вопрос: если связность предстает имманентной сущностью текста, то будет ли текст, обладающий насыщенным повествованием, исходно характеризоваться высокой степенью связности? Ответ на этот вопрос лежит в следующей исследовательской плоскости: все зависит от того, как понимаются такие феномены, как «нарративность» и «когезия» [15]; фокусом исследования должен стать сюжет или поступательная прогрессия событий [18]. Моника Флудерник интерпретирует нарративность в качестве «повествовательного капюшона», который читатель «надевает» на текстовое произведение в процессе его постижения, именуя этот процесс «нарративизацией» [15]. Г.Р. Абботт обсуждает проблему нарративности в четырех аспектах, а именно как одновременно экстенциональную и интенциональную сущность, которая варьируется в зависимости от жанра повествования и дискурсивного регистра [14]. Все представленные концепции фактически затрагивают проблему связности текста, указывая, что определенную трудность составляет вопрос о том, как автор моделирует структурное единство текста, какие средства при этом задействует. Связующие средства нацелены на интегративную переработку текстовой информации посредством реактивации первого связываемого сегмента и последующей интеграции его содержания со вторым сегментом в коге-

рентную репрезентацию событий, даже если они предполагают нелогичные сценарии.

При изучении структурного единства текста, тех когнитивных процессов, посредством которых текст преобразуется в художественную коммуникацию в сознании читателя, действенной в лингвистике оказывается теория чтения текста. К настоящему моменту выявлены следующие типы интерпретативного чтения:

1) экспланаторное чтение: объяснение содержания и формы текста с опорой на контекстуальные параметры;

2) адаптивное чтение, в результате которого текст анализируется в рамках предварительно заявленных индивидуальных целей;

3) проективное адаптивное чтение: исследование текста с субъективной точки зрения отдельно взятого читателя [19, p. 50–123].

Думается, что указанная дифференциация типов чтения текстов, в свою очередь, соответствует принципам когнитивной поэтики, в сферу изучения которой попадают типичные процессы чтения художественной литературы (следовательно, типы «адаптивного» чтения). Экспланаторное чтение предполагает герменевтическую интерпретацию текста. Другими словами, между теориями когнитивной поэтики и герменевтического понимания текстов обнаруживается общий знаменатель.

Исследовательская действенность когнитивной поэтики для герменевтических изысканий текста

Сделаем попытку объяснить исследовательскую действенность когнитивной поэтики для герменевтических изысканий. Во-первых, когнитивная поэтика проливает свет на общие принципы герменевтического понимания текста, поскольку во всех формах интерпретации определяет оптимальные характеристики человеческого сознания. С учетом того, что герменевтика – это не только практика чтения текстов, но и общая теория их понимания, когнитивная поэтика рассматривает фактор читателя в отношении к эмпирическим результатам изучения как «реального» адресата, так и «идеального» получателя текста, который обладает стабильными навыками профессиональной интерпретации текста [13].

Во-вторых, когнитивная поэтика рассматривает литературный текст как разновидность языковой коммуникации. Процесс читательской интерпретации носит субъективный характер, который не принижает объективность анализа текста: текстовые структуры, порожденные автором, и ментальные репрезентации, которые актуализуются в сознании читателя в процессе чтения, предстают независимыми факторами объяснения текста. Когнитивные принципы ментальных процессов, протекающих в читательском сознании, не являются исключительным источником адекватного прочтения текста. Объ-

активная интерпретация становится следствием особой филологической активности получателя текста, связанной со сравнением контекстуальных смыслов и словарных значений слов, выявлением потенциально допустимых в рамках данного текста авторских интенций, анализом культурно-исторических реалий, реализуемых в архитектонике текста, проверкой действительности и объяснительных потенциалов иных интерпретаций этого же самого текста.

В-третьих, когнитивная поэтика анализирует идиостилистические особенности текста, когнитивные эффекты, производимые текстом в результате действия данных эффектов. Когнитивнопоэтический анализ текста как сферы особого идиостиля реализуется в современной лингвистике по двум основным направлениям:

1) от образного замысла к его языковому воплощению;

2) от особенностей языка к образу.

Язык предстает детерминантом словесно-художественного мышления. Восприятие текста как продукта художественного дискурса приходит к читателю от языковой составляющей. Художественная траектория слова – это поступательное движение мыслительного акта от текста к его языковой характеристике, к авторскому образу как имманентному следствию психологического «соизмерения»: сказанного значения и невысказанного смысла [1]. Следовательно, именно такое направление исследования приводит, в итоге, к адекватному восприятию текста.

Рецепция художественного произведения является дискурсивным сотворчеством участников художественной коммуникации, активным созидующим процессом текстуального синтеза «смысловых импульсов», художественных штрихов, «семантических обертонов», имеющих «открытое», потенциальное значение, в уникальные авторские образы, обладающие динамичной семантикой. Неузальное употребление слов, их уникальная сочетаемость в языке художественной литературы выражают не константные семантические признаки, а «колеблющиеся признаки», которые «дают некоторый слитный групповой смысл» [10, с. 59]. Слово обладает наибольшей ассоциативной способностью к контекстуальному «оживлению» текстуальными смыслами, экспрессивной окраске. В результате автором воссоздаются разнообразные эффекты недосказанности, неоднозначности, намека. Словоформы, структурирующие смысл художественного текста, спроецированы на читателя и отражают речевой замысел автора. Таким образом, исследование текста в логической последовательности «слово – образ – идея» – это анализ; интерпретация же текста в обратной последовательности – это синтез. Как анализ, так и синтез имеют равное право на исследовательское существование. Анализ выявляет достоинства художественного текста как

факта словесного искусства (акт непосредственной перцепции искусства обладает синтетическим характером).

Теория «универсальной герменевтики» и современные исследования в области метафизики и психолингвистики

Теория «универсальной герменевтики» излагается в трудах Ф. Шлейермахера (1768–1834), который выделил предметно-содержательный и индивидуально-личностный аспекты в тексте. Целью герменевтики он считал понимание текста и его автора лучше, чем сам автор понимал себя и свой текст – принцип «лучшего понимания» [9, с. 21–22]. Во многом подобный подход исповедуют исследователи идиостиля автора, ставящие во главу угла не просто предметное содержание, а самих мыслящих индивидов-авторов.

Высказывание подобного рода могут стать весомым аргументом в защиту исследований тексто- и смыслообразования на примере сложных синтаксических целых как проекции целого текста. Механизм же понимания текста, по Шлейермахеру, состоит из диалектического синтеза предварительных пониманий, знаний внутренних и внешних условий жизни автора и из осмысления их влияния на замысел произведения [16, с. 112]. Техника истолкования текста сводится у него к следующим правилам:

1) сначала нужно произвести общий обзор произведения;

2) одновременно с ним раскрыть бытие понятий с помощью грамматической и психологической интерпретации;

3) если происходит концептуальное «увязывание» двух названных интерпретаций, то можно идти дальше;

4) если они не согласуются, необходимо возвращаться назад, и искать причину. «Чтобы иметь начало, нужно иметь конец, и это является обычной мерой мышления...» – пишет автор [15, с. 114].

Этот механизм, на наш взгляд, хорош в том случае, если перед адресатом стоит задача понять смысл произведения в целом, а если ему для собственной рефлексии достаточно только намека (части текста) и до конца он не пойдет? А заставить его невозможно, так же, как заставить автора мыслить. В объектах нашего знания мы находим самих себя, и, следовательно, ученый сам является источником тех универсальных законов, которые он открывает в природе [15, с. 136].

Современные исследования в области метафизики и психолингвистике (А.А. Залевская, К. Прибрам, Н.В. Рафикова и др.) позволяют уточнить и детализировать процесс понимания. Так, Шлейермахер считает, что начало понимают не раньше, чем в конце, а Н.В. Рафикова приходит к выводу о том, что неинтегрируемая информация не отбрасывается, а сохраняется

в виде схем-прогнозов и служит источником для получения новых опорных элементов понимания: «в каждый данный момент в проекции текста наблюдается определенное равновесие между цельностью и связностью» (Залевская, 2005: 441). Так, каждая точка системы смысла рассматривается как отдельный «организм», способный к саморазвитию [11]. Немаловажным в герменевтике является вопрос представление об общности смысла, который является достоянием многих людей, поэтому они способны услышать и понять друг друга [6, с. 141]. Но большинство исследований, направленных на анализ процесса понимания, всё же не дают ответа на вопрос о целостность смысла и иерархичность осмысления. Так, О.С. Зорькина пишет: «Процесс понимания начинается с поисков *общего смысла* сообщения, с выдвижения гипотез и лишь потом переходит на более низкие уровни – сенсорные (распознавание звуков), лексический (восприятие отдельных слов) и синтаксический (восприятие смысла отдельных предложений). То есть реальный процесс понимания текста не совпадает с тем порядком, в котором поступает информация. Поэтому адекватное осмысление сообщения может иметь место только тогда, когда между указанными уровнями осуществляется обратная связь, когда «все уровни взаимообуславливаются и взаимоконтролируются» [8, с. 208].

В результате осмысления текста у индивида должна образоваться проекция этого – ментальное образование (концепт текста, смысл текста как цельность / целостность), продукт процесса смыслового восприятия текста реципиентом, в той или иной мере приближающийся к авторскому варианту проекции текста» [7, с. 325]. Исследование проекции текста как результата понимания является актуальным универсальным механизмом формирования у читателя образа содержания прочитанного текста. Для анализа данного механизма примечательным является вывод современных психологов о том, что информация смыслового характера хранится в памяти носителя языка в виде помещенных друг в друга разнообразных контекстов. Подобная форма структурирования обеспечивает плотность «упаковки» хранящихся сведений, потенциально демонстрирует как «эффекты иерархической организации, характерные для семантических сетей, так и классические эффекты ассоциативной близости и контраста, наиболее легко трактуемых в рамках пространственных моделей семантической памяти» [2, с. 27]. Идею о когнитивной трансформации ментальных сущностей в пространственные репрезентации выдвигал также Гюстав Гийом. Данные репрезентации известный франко-канадский лингвист назвал «специализациями» [5].

Проекция текста в работах А.А. Залевской представлена в спиралевидной модели смысла.

Суть модели заключается в том, что реализацию различных функций слова в тексте можно представить в виде двунаправленной спирали, «раскручивающейся» от «тела текста», во-первых, вглубь многостороннего предшествующего опыта индивида, а во-вторых, в проекцию текста, которая формируется, трансформируется, пересматривается в зависимости от множества факторов (от стиля мышления до специального контекста). Подобную схему автор сравнивает с контуром песочных часов при добавлении многочисленных двунаправленных стрелок, отображающих множественные связи между сферами «раскрутки» спирали вниз и вверх «по вертикали» (в опыт и проекцию) и «по горизонтали» [7, с. 434–435].

Таким образом, *понимание текста* – это не только конструктивный процесс, опирающийся на единую перцептивно-когнитивную информационную базу индивида, но и погружение в мимолетный, исчезающий образ смысла. Координирование понимания индивида возлагается на смысло-и текстообразующий потенциал языковых средств.

Сравнивая текст со смысловой «плазмой» и утверждая, что сам мыслительный процесс, возникающий по поводу и вокруг текста, не имеет конца, но имеет начало, Б.М. Гаспаров признаёт за текстом роль определённой «рамки», в которой и для которой он совершается. Эта рамка – языковой материал. «Какими бы причудливыми и отдалёнными путями ни двигалась мысль говорящего, – пишет ученый, – результат этого движения воспринимается им как смысл данного высказывания» [4, с. 322].

Это означает, что смысл любого высказывания способен вместить в себя сколь угодно обширную и сколь угодно разнородную информацию, привязанную к каким-либо в составе текста элементам, которые, в свою очередь, являются единственными «маяками» в объективном понимании текста.

Список литературы

1. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. – М.: Генеzis, 2006. – 320 с.
2. Величковский Б.М. Функциональная организация познавательных процессов: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М., 1987. – 48 с.
3. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретация // Герменевтика и деконструкция. – СПб., 1999. – С. 202–242.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996. – 351 с.
5. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. – М.: Прогресс, 1990. – 347 с.
6. Дильтей В. Наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 138–148.
7. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М., 2005. – 543 с.
8. Зорькина О.С. О психолингвистическом подходе к изучению текста // Язык и культура. – Новосибирск, 2003. – С. 205–210.
9. Криворучко П.С. Скрытый анализ текста как объект философской рефлексии (на примере текстовой рекламы): дис. ... канд. филос. наук. – Краснодар, 2005.

10. Новиков Л.А. Художественный текст и его анализ. – М.: Русский язык, 1980. – 304 с.
11. Проскуряков М., Бугаева Л. Русская ментальность и текст в терминах самоорганизации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.fixed.ru.
12. Шлейермахер Ф. Герменевтика // Общественная мысль: исследования и публикации. – Вып. IV. – М., 1993. – С. 112–135.
13. Эко У. Роль читателя. – СПб.: Симпозиум, 2005. – 502 с.
14. Abbott H.P. The Cambridge Introduction to Narrative. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – 347 p.
15. Fludernik M. Towards a 'Natural' Narratology. – L.: Routledge, 1996. – 349 p.
16. Schliermacher Fr., Wenke. Auswahlin vier Banden. – Bd. 4. – 1911.
17. Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. – L.: Routledge, 2002. – 203 p.
18. Tammi P. Against Narrative ('A Boring Story') // Partial Answers. – 2005. – № 4.2. – P. 19–40.
19. Tepe P. Cognitive Hermeneutik. Textinterpretation ist als Erfabrungswissenschaft möglich. – Wurzburg, 2007. – 289 p.

**АДАПТАЦИЯ УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ
ПО МОРФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА К КАЗАХСТАНСКОЙ
СИСТЕМЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ**

^{1,2}Сабитова З.К., ²Сулейменова Э.Д.

¹Хельсинкский университет, Хельсинки,
e-mail: z_sabitova2@mail.ru;
zinaida.sabitova@helsinki.fi;

²Казахский национальный университет
им. аль-Фараби, Алматы, e-mail: esuleim@gmail.com

Проведен мониторинг учебной литературы и практики преподавания морфологии современного русского языка на филологических специальностях вузов Казахстана; сформулированы предпосылки и причины создания новых, социально адресных учебников, адаптированных к условиям казахстанской образовательной модели филологического образования, специфике социолингвистической, лингвокультурной ситуации. Описаны взаимодействующие системы, учет которых необходим в процессе создания и адаптации учебных пособий по морфологии современного русского языка: объект преподавания; картина мира, отраженная в русском языке Казахстана и России; советская и российская системы образования, с одной стороны, и казахстанская система образования, с другой; личность обучаемого и осваиваемый им учебный материал. Выявлены характеристики адаптированных учебных пособий по морфологии современного русского языка, которые отвечают требованиям, предъявляемым к условиям обучения, образовательной системе Казахстана, личности обучающихся: детализированность подачи учебного материала; логико-когнитивный характер презентации, формализации знания и др.

Состояние проблемы. В последние годы идет интенсивный поиск новых форм, методов и средств, позволяющих не только учить приобретать знания, но и развивать творческие

способности обучающихся, активизировать их учебную и профессиональную деятельность. Это привело к изменению акцентов в образовательной парадигме: на смену знаниецентрическому, объяснительно-иллюстративному подходу к обучению пришел деятельностный, ориентированный на результат обучения, при котором обучающийся становится активным субъектом учебного процесса.

К ядерным составляющим обучающего пространства с позиций сегодняшних приоритетов относятся система знаний, обеспечивающих фундаментальность образования, и комплекс программных компетенций, формирующих не только профессиональную модель специалиста, но и его способность творчески реагировать на изменения в мире.

Комплект адаптированных учебных пособий «Морфология современного русского языка», в который входит учебник, программа курса, хрестоматия, сборник текстов и заданий для самостоятельной работы, книга преподавателя, учебный словарь, предназначен для студентов высших учебных заведений Республики Казахстан, обучающихся по специальностям «Русский язык и литература», «Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения» [3].

Создание адаптированных учебных пособий по морфологии современного русского языка было мотивировано следующими факторами:

– полным переходом системы высшего профессионального образования республики на кредитную систему обучения, определившую доминирующую роль самостоятельной работы студентов, что требует комплексного учебно-методического обеспечения аудиторной и самостоятельной работы студентов по предмету;

– национально-образовательной ситуацией, в которой выпускники казахских и др. школ поступают на специальность «Русский язык и литература в школах с казахским языком обучения», не имея базовой теоретической подготовки по русскому языку;

– возникновением новых научных парадигм, направлений, изменивших традиционное понимание объектов морфологической науки и показавших наличие новых, не изученных ранее объектов;

– необходимостью разработки общетеоретических проблем морфологии современного русского языка в сопоставлении с казахским, т.е. создания учебников, обеспечивающих усвоение научных знаний по морфологии русского языка на более глубоком уровне осознанности через сопоставительный анализ морфологического стратума систем русского и казахского языков.

Комплект адаптированных учебных пособий «Морфология современного русского языка» представляет собой социально адресный учебно-методический комплекс, в который входят учебные пособия, адаптированные к усло-